

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В 1917 ГОДУ: СЛАБОЕ МЕСТО НОВОЙ ВЛАСТИ

М.В. ОСЬКИН

*Институт законовещения и
управления Всероссийской
полицейской ассоциации, г. Тула*

e-mail: maxozv@yandex.ru

Продовольственный вопрос в России в 1917 г. явился одним из ключевых для существования революционной власти российской республики. Задача преодоления продовольственного кризиса, ставшего одной из основных причин падения монархии, для революционных властей также стала точкой невозврата. Введение хлебной монополии, снабжение армии и тыла, централизация хлебозаготовок натолкнулись на сопротивление производителя хлеба – крестьянства. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития продовольственной ситуации в 1917 г., нерешенность которой стала важной причиной падения Временного правительства в октябре 1917 г. Транспортный кризис, падение хлебных запасов, развал фронта – все эти факторы способствовали успеху большевистского переворота.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, хлебная монополия, Министерство продовольствия, твердые цены.

В 1917 г., в ходе Февральской революции, российская буржуазия пришла к власти в обстановке острого кризиса продовольственного снабжения, угрозы срыва мероприятий хлебозаготовок, падения государственного хлебного запаса. Созданная во время переворота Продовольственная комиссия Временного комитета Государственной Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов 6 марта предписала провести параллельно с уже имеющимися мероприятиями по закупкам и разверстке хлеба, реквизицию хлебных продуктов у крупных земельных собственников, имеющих запашку свыше 50 десятин, торговых предприятий и банков. Для получения первичных данных, 17 марта министр земледелия А.И. Шингарев запрашивал представителей губернских продовольственных комитетов (губпродкомов) и губернских земельных управ: «как она идет в настоящее время, и какие дала до сих пор результаты». Из основной массы губерний отвечали, что получаются данные либо понемногу, либо таких хозяйств очень мало или вовсе нет¹.

Основной мерой новой власти в деле регулирования хлебозаготовительного вопроса, стал закон о монополии на хлеб от 25 марта, означавший «более высокую ступень военного регулирования и высокую ступень обобществления одной из ведущих народно-хозяйственных отраслей»². Исследователями отмечается, что эта необходимая и продиктованная объективными реалиями государственная мера, так и не была в основных своих положениях внедрена на практике, но лишь – проявилась тенденция к этому. Закон провозглашал принудительное отчуждение государством всех свободных запасов (а не только товарных) хлеба по твердой цене, обязывал владельца и производителя к доставке на продовольственные склады, запрещал спекуляцию хлебом. Это было следующим шагом на пути сосредоточения в руках государства всех наличных запасов продовольственных продуктов. Однако, монополия как обязательственная мера, несомненно, невыгодная держателям зерна, не была воспринята широкими массами крестьянского населения, а потому осталась исключительно на бумаге, ибо хлебная монополия не могла быть сопровождена нормированием промышленных товаров и предметов первой необходимости. То есть данное мероприятие могло увенчаться успехом лишь при восприятии его крестьянством как необходимой меры для государства и победы, при доверии к верховной власти со стороны деревни.

Временное правительство, осознавая тяжесть продолжения международной борьбы, да еще в условиях революции, было вынуждено положить в основу своей продоволь-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1783. Оп. 1. Д. 168. Л. 43.

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 206; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 310.

ственной политики принципы монополизации закупок, регламентации производства, нормировки потребления. Наибольшей трудностью в разрешении этой проблемы стало условие возможности изъятия хлеба у его мелких держателей. То есть центр тяжести находился не в правовой организации данного вопроса, а в мерах по его практическому применению. Крестьянство, в свою очередь, восприняло хлебную монополию как разорительную и чрезвычайно для себя убыточную, «несправедливую» со стороны государства меру. Выступавшая еще при царизме против продовольственной разверстки деревня, не желала ограничения своих прав на собственную продукцию и при новой власти.

В письмах крестьян в Петроград проводилась ярко выраженная линия мировоззрения земледельца-труженика, не пытавшегося понять логики властей в условиях тяжелейшей войны. По своей общегражданской сути такая позиция, разделявшаяся миллионами крестьян, являлась социально сепаратистской: «теперь это было бы смертельной обидой, ударом в лицо русскому крестьянству, которое несет на себе всю тяжесть кровавой повинности, отдав на фронт всех своих сынов, всех своих работников без остатка. Теперь вы хотите поступить с ним, как грубый завоеватель с чужим поработанным народом. Неужели Вы не понимаете, что это будет... началом гражданской войны... призывом к крестьянскому восстанию против ограбления и порабощения... потому что твердые цены до нелепости низки... насильственное отобрание хлеба по низким твердым ценам будет равносильно приказу прекратить посевы и зарыть глубже в землю имеющиеся запасы... Для самой глухой деревни не секрет, что насильственные меры и низкие цены прилагаются только к деревне, что торгово-промышленный класс по-прежнему хватает и будет хватать безумные барыши, а рабочие, определив рабочий день фактически в 7 ч. 20 мин... перешли уже пределы своих мечтаний»³. Уже осенью приведенные выше угрозы будут воплощены в жизнь в Черноземье и Поволжье, на Украине и на Северном Кавказе: хлебные житницы страны откажут Временному правительству в продовольствии. Как справедливо отмечает исследователь: «слабеющая власть и проведение государственной хлебной монополии – вещи несовместимые»⁴. Но у верховной государственной власти, ведущей войну, фактически и не было иного выбора. Хлебная монополия, как чрезвычайная мера, была жестко детерминирована войной.

Во имя получения хлеба революционные власти пытались решать проблему регулирования распределения промышленных товаров, учредив в апреле Комиссию для выяснения вопроса по снабжению населения предметами широкого потребления. В своем сообщении от 24 апреля Временное правительство признавало, что «необходимые в обиходе изделия поступают для нужд населения лишь в крайне ограниченном количестве и по весьма высоким ценам». В числе необходимых предметов назывались металлические и кованые изделия, ткани, чай, керосин, мыло, бумага. Признавая, что все это должно поставляться по твердым ценам, власти обещали «немедленно принять меры к выяснению вопроса о том, какое именно количество этих изделий и продуктов может быть уделено для гражданского населения, и по каким ценам и каким способом представляется наиболее справедливым распределить это количество между наиболее нуждающимися»⁵.

Помимо собственных усилий, правительство надеялось опереться в масштабах всей страны и на общественно-политические организации. В своих майских резолюциях Всероссийский продовольственный съезд призвал к установлению твердых цен не только на хлеб, но и на топливо, железо, мануфактуру, кожу и другие продукты обрабатывающей и добывающей промышленности: «твердые цены на предметы массового потребления должны обязательно находиться в соответствии с ценами на хлеб». Помимо твердых цен государство обязывалось немедленно организовать как снабжение товарами, так и равномерное распределение их между населением. Присоединившись к требованию мира без аннексий и контрибуций, съезд заявил «о совершенной недопустимости сепаратного мира» и непременно сохранении боевой мощи армии. С другой стороны резолюция признавала, что «правильное развитие народнохозяйственной жизни станет возможным

³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 314. Л. 69-70.

⁴ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917-1921 гг.: Мешпочники. СПб., 2002. С. 21.

⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 140. Л. 126.

лишь по окончании настоящей разрушительной, братоубийственной войны»⁶. Но лишь в условиях острого кризиса снабжения осенью 1917 г. ряд местных продовольственных комитетов провел по собственной инициативе прямой товарообмен наличного запаса товаров промышленности на хлеб, что привело к увеличению объема хлебазаготовок, позволив выполнить 33,5% от установленного задания. Эта цифра стала наивысшей для революционной власти, начиная с апреля месяца⁷.

Власти пытались, в силу обстоятельств объективного характера, решить проблему продовольствования армии и населения по преимуществу административными мерами. Так, 5 мая из Министерства земледелия выделили особый аппарат – Министерство продовольствия, призванное направлять и регулировать действия соответствующих органов на местах – продовольственных комитетов, образованных одновременно с законодательством о хлебной монополии. Их деятельность на первых порах давала неплохие результаты. Однако община и контролировавшиеся ею крестьянские власти постепенно стали прибирать их к рукам. Например, Тамбовский губернский продовольственный комитет 2 апреля постановил не допускать к участию в заготовке хлеба мельников, хлеботорговцев и ссыпщиков зерна. К лету 1917 г. даже из губернских продовольственных органов лишь около половины соответствовали по своему составу закону 25 марта. На уездном и волостном уровнях дело обстояло еще хуже. А ведь от состава продовольственных органов напрямую зависела и государственная политика в области продовольствования. Летом растет количество случаев о складывании с себя полномочий продовольственными организациями в ряде губерний, увеличивается число насильственных акций в отношении их сотрудников в городах Европейской России. Такое положение вещей еще больше осложняло дело снабжения, не позволяя проводить учет и контроль продуктов⁸.

Все лето Центр прилагал массу усилий по получению хлеба, согласно действующему законодательству. Приказ министра продовольствия А. В. Пешехонова продовольственным комитетам от 18 июля сообщал, что «все излишки хлеба должны быть сданы землеробами по закону 25 марта 1917 г. государству. Только таким путем можно достичь правильного распределения хлеба по всей стране и тем предотвратить надвигающийся голод». Пешехонов признавал, что население препятствует этому и предлагал комитетам принимать решительные и энергичные меры, помня, что «хлеб составляет государственную собственность и весь излишек его, за покрытием личных и хозяйственных нужд владельцев, должен возможно скорее поступить для армии и нуждающегося населения». Министр предостерегал, что не следует «никоим образом выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев»⁹. Тем не менее, закон 25 марта не воспринимался крестьянством, уже приступившим к первым действиям «черного передела» в качестве «законного» и «справедливого». А потому деревня отнюдь не стремилась к его выполнению.

В условиях слабости центральной власти монополия явилась, прежде всего, дестабилизирующим фактором, разрушавшим рынок и вторгшимся в реализацию продукта непосредственно его производителем. Невозможность государства учесть излишки, изъять их, доставить по назначению и т. д., только укрепляло деревню в сознании собственной силы, придавая уверенность общине в успехе ее сопротивления с властью. Власти на местах были бессильны препятствовать даже самовольному вывозу крестьянами хлеба из производящих губерний в потребляющие области. Не представлялось возможным остановить и процесс перевода зерна посредством винокурения, так как рыночная продажа самогона была гораздо выгоднее сдачи хлеба по твердым ценам. Вялые меры по рациональному распределению продуктов, имели следствием массовую тайную скупку и перепродажу хлеба. Срыв деревней проведения в жизнь закона о хлебной монополии и принципов экономической политики Временного правительства, свободная продажа крестьянами своего хлеба помимо государства, были признаны на заседании Особого Совещания по продовольственному делу 24 июня¹⁰.

⁶ ГАРФ. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 42. Л. 106–2.

⁷ См.: Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 112–113.

⁸ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 148. Л. 12–14; Ф. 6831. Оп. 1. Д. 319. Л. 61–63.

⁹ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 148. Л. 12–14.

Сельскохозяйственная перепись 1917 г., преследовавшая, наряду с прочими, цель всестороннего изучения продовольственного вопроса для продолжения войны, должна была предоставить в распоряжение верховной власти исчерпывающие данные о возможностях страны к дальнейшей борьбе. Хлеб в России был, но тяготы войны особенно сильно сказались в 1917 г. Например, справка о состоянии озимых посевов от 8 августа отмечала: «избыток влаги во время уборки в центральных губерниях... понизил качество урожая». Также отрицательные последствия имела засуха в Поволжье и Западной Сибири¹¹. Тогда же, в ходе сельскохозяйственной переписи, был составлен проект примерной инструкции для грядущего введения карточной системы в сельских местностях. Переписи подлежали запасы хлебных продуктов и населения. В карточки подворной переписи вносились сведения о количестве членов семьи, о местожительстве и полном имени домохозяина, о запасах продуктов. Перепись такого рода проводилась посредством кооперативов и сельской администрации под контролем уездных продовольственных комитетов. Продукты должны были выдаваться на один месяц после проверки списка потребителей, а «каждый двор получить одну карточку на срок до 1 января следующего за текущим года»¹².

Сознавая, что хлеб в стране есть, и нужно его взять, доставить до адресатов и распределить, Циркуляр Министерства продовольствия губпродкомам от 27 июля 1917 г. указывал, что необходимо приложить все усилия, чтобы создать запасы хлеба нового урожая: «В целях усиления заготовительного аппарата является необходимым и целесообразным озаботиться своевременным привлечением к делу заготовки, сверх собственных, кооперативных и общественных организаций, еще и торгово-промышленных организаций и фирм». Министерством признавалось, что в отдельных регионах продовольственные комитеты не желают привлекать к делу ссыпки частноторговый аппарат, однако это надо сделать для успеха хлебозаготовок: «Преимущественному привлечению к делу заготовки хлеба подлежат крупные объединения торгово-промышленных организаций (общества, союзы мукомольных и хлебо-торговых предприятий), а затем уже отдельные, наиболее солидные и соответственно оборудованные и подготовленные предприятия»¹³.

Обыкновенно, при характеристике продовольственной политики Временного правительства в 1917 г. в расчет берутся, прежде всего, хлебные продукты, что справедливо, так как хлеб являлся основным продуктом закупки и потребления. Однако, централизованным заготовкам по твердым ценам подлежали и другие продукты питания. Например, проект положения о закупках картофеля из урожая 1917 г. указывал, что заготовки овощей будут производиться в Орловской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Московской, Владимирской, Калужской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Казанской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской, Псковской и Эстляндской губерниях. По примеру правил о сдаче хлеба сообщалось, что «всякий владелец картофеля обязан по требованию местного продовольственного комитета, объявить количество и место хранения имеющихся у него запасов картофеля и, по постановлению комитета, предоставить таковые запасы в распоряжение комитета, за исключением количеств, потребных на удовлетворение хозяйственных надобностей владельца по нормам, устанавливаемым Общегосударственным Продовольственным комитетом». В случае отказа владельца исполнять требования, местные губпродкомы «принудительно отчуждают эти запасы по установленным ценам». На съезде представителей губпродкомов 20-22 июня 1917 г. был выработан план вмешательства государства в дело заготовки овощей:

1) произвести разверстку потребного государству количества продуктов переработки картофеля между занимающимися этим предприятиями, установив для каждого предприятия определенный наряд;

2) установить твердые цены на все продукты переработки картофеля, как-то: муку, крахмал, патоку и сахар;

3) объявить все означенные продукты переработки поступающими в распоряжение государства и

4) запретить вывоз этих продуктов как по железным дорогам, так и водю без раз-

¹¹ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 355. Л. 4.

¹² ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 1520. Л. 1-5.

¹³ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 320. Л. 70-71.

решения министерства продовольствия и вне установленного для сего плана». 2 сентября были введены предельные цены на картофель, составившие в Центральной России сумму от 1.90 (Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Калужская, Смоленская, Воронежская губернии) до 3.30 (Московская губерния) рублей за пуд¹⁴.

Другим важнейшим продуктом, подлежащим государственному регулированию, стало мясо. Выполнение разверстки по регионам на поставку крупного рогатого скота, овец и свиней было также возложено на местные губпродкомы. Доклад Отдела Заготовок о твердых ценах, от 24 июня 1917 г. зафиксировал, что «ранее установленные на 1917 г. основные твердые цены на скот и мясо не подлежат в настоящее время дальнейшему увеличению», хотя на сентябрь-октябрь следует «понизить основные твердые цены на 1 рубль на пуд живого веса». С 1 февраля 1918 г. до мая твердая цена будет повышена еще на 1 рубль¹⁵. Первые твердые цены на крупный рогатый скот, установленные 12 мая 1916 г., в Центральной России колебались от 6.25 (Курская губерния) до 7.00 (Владимирская губерния) руб. за пуд живого веса¹⁶. Особое Совещание по продовольственному делу в заседании 16 января 1917 г. изменило твердые цены на 15-пудовый скот – от 8.60 (Курская) до 9.00 руб. (Владимирская). Цена на овец по всем 45 губерниям и областям составила 8 руб. за пуд, «причем на овец, овчина которых пригодна для полушубка». В феврале, марте и апреле предполагалось «цены на скот повысить на 1 рубль за пуд живого веса»¹⁷.

После революции эти цены сохранились, с тем уточнением, что следовало «установить наименьший кондиционный живой вес скота в 10 пуд, предоставив право губернским продовольственным комитетам, в случаях крайнего недостатка кондиционного скота, принимать скот и с меньшим кондиционным весом, но не ниже 8 пуд». Скот весом от 8 до 15 пуд расценивался как 15-пудовый, а в случае превышения 15 пуд цена увеличивалась по 10 копеек за каждый следующий пуд: «при этом расценку животных при излишке в фунтах до полупуда производить по низшей пудовой цене, а при излишке полупуда и выше – по высшей». Министерство продовольствия настойчиво рекомендовало «в целях сохранения крупного рогатого скота допускать замену его овцами и свиньями без ограничения процентного отношения к общему наряду скота по губернии»¹⁸. Твердые цены устанавливались и на животные жиры: шпик – 33 руб., говяжье и баранье кашное (топленое) сало – 40, свиное кашное – 42, техническое сало – 35 руб.

Транспортный кризис, связанный с падением мощностей подвижного состава железных дорог, негативно сказывался на погрузке и перевозках продовольственных грузов. Циркуляр Отдела Заготовок губпродкомам от 13 июля просил принять меры, «чтобы продукты, подвозимые к станциям железных дорог, незамедлительно принимались представителями продовольственных комитетов и сдавались к перевозке», так как «грузы эти вызывают переполнение станционных складочных помещений и создают затруднения в деле отправки». Следующий циркуляр от 19 июля возлагал на губпродкомы ответственность за составление графиков погрузки продовольствия: «в связи с введением 1 августа правил постепенности отправления по железным дорогам грузов малой скорости, необходимо заблаговременное предъявление железным дорогам плана предстоящих в следующем месяце перевозок скота. Прошу телеграфировать не позже 23 июля полный план предстоящих в августе перевозок на фронт, а равно на убойные пункты живого скота по вашей губернии, с обозначением железных дорог, где будет погрузка, а также о количествах эшелонов на месяц скота – отдельно фронту и на убойные пункты, с указанием – какие»¹⁹.

Номенклатуру и количество продовольственных запасов на предстоящий год, равно и финансовое обеспечение закупки этих материалов, показывает доклад финансово-счетного отдела Министерства продовольствия в августе 1917 г., требовавший на годовую потребность в продовольствии минимум 9 232 375 000 рублей²⁰:

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 314. Л. 1–14.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 372. Л. 1.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2199. Л. 3.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 69. Л. 13–14об.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 372. Л. 2–3.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 387. Л. 32б, 83.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 23а. Л. 132.

Таблица 1

Предполагаемые закупки продовольствия на операционный (заготовительный) 1917/1918 г., согласно требованиям Министерства продовольствия

Продукт	Пудов	Рублей
Мука, крупа и зернофураж	881 500 000	2 475 000 000
Незерновой фураж (сено и солома)	235 000 000	412 000 000
Мясо	77 687 000	1 887 000 000
Рыба	25 300 000	315 000 000
Жиры	26 800 000	1 111 000 000
Сыр	1 000 000	80 000 000
Овощи и фрукты	26 400 000	126 000 000
Сахар	60 000 000	900 000 000
Соль	100 000 000	100 000 000
Табак	5 000 000	290 000 000

Таким образом, Министерство продовольствия Временного правительства планировало потратить на централизованные государственные закупки продовольствия до лета 1918 г. около 10 млрд. руб., даже без учета прогрессирующей инфляции. При этом более половины закупок должен был составить, конечно, хлеб.

Головной болью Временного правительства в условиях продолжающейся Первой мировой войны оставалось продовольственное снабжение фронта, перебои в котором в критические дни февраля 1917 г. побудили высший генералитет поддержать революцию. Намереваясь поддержать продовольственные усилия тыла, Журналом 16 марта Военный Совет положил:

1) ввести во время настоящей войны для всех войск, управлений, учреждений и заведений военного ведомства внутри страны, вне района войны находящихся, 4-й обязательный постный день в неделю,

2) подтвердить, что военнопленные могут получать мясо по ¼ фунта в день на человека не более трех дней в неделю и при том лишь условии, если мясо можно получать без затруднения на местном рынке наличной покупкой» (подтверждение Положения Военного Совета от 19 января 1917 г.)²¹. То есть, тот продукт, в котором страна испытывала наибольшую нехватку (не считая сахара, на который еще летом 1916г. были введены карточки), экономился даже и армией, ибо войска поглощали огромную часть товарного мясного ресурса. Солдатский паек составлял 205 граммов в день, но 2 мясопустных дня на фронте и теперь уже 4 для тыловых гарнизонов, позволяли чрезвычайно экономить мясные продукты. Также Временное правительство подтвердило еще царскую меру о частичной замене мяса в пайке тыловых войск яйцами. Суть проблемы, например, разъясняет телеграмма Окружного интенданта штаба Московского военного округа в июле: «некоторые части отказываются от довольствия яйцами, высланными распоряжением министра земледелия для гарнизонов. Прошу предложить полковым комитетам разъяснить, что яйца должны быть обязательно использованы и высланы – они для уменьшения расходов мяса, запасы которого истощаются, почему замена хотя бы одного мясного дня яичным является необходимой, тем более что такая замена введена даже в действующей армии. При обостряющемся продовольственном кризисе, возможность получения войсками яиц является значительным облегчением при способах довольствия»²². Твердые цены на яйца с 1 августа 1917 г. в Центральной России составили 100 руб. за 1000 штук²³.

Военные власти, после революции оказавшиеся в подчинении у правительства, вынуждены были согласовывать свои действия продовольственных закупок с органами Министерства продовольствия. Так, Совещание в Ставке 17 мая по вопросу об урегулировании снабжения фронтовых организаций, постановило, что «заготовку всех продовольственных продуктов отдельными войсковыми частями и организациями в войсковом

²¹ Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. 1130. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.

²² ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 59. Л. 88.

²³ ГАРФ. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 94. Л. 309.

районе фронта в экстренных случаях разрешить производить без соглашения с продовольственными комитетами, но по твердым ценам. В тыловом районе фронта допустить заготовку войсковыми частями и организациями, но по соглашению с продовольственными комитетами овощей, различных противогинготных средств, масла и яиц; заготовку же сена, сала, мяса и всех монополизированных продуктов воспретить»²⁴. Тем самым укреплялась централизация закупок по твердым ценам и устранялась ненужная конкуренция военных фуражиров, но с другой стороны – фронт вставал в полную зависимость от усилий тыла по снабжению основными продуктами.

С лета 1917 г. ситуация со снабжением фронта ухудшается, что было связано с провалом усилий государства по реализации закупок хлеба и других продуктов. Телеграмма министра продовольствия от 16 июля сообщала, что «подача продуктов фронтам сравнительно с нормой и подачей мая и июня за последнее время резко угрожающе понизилась... настоятельно прошу принять самые решительные меры, приложить все усилия для преодоления встретившихся препятствий к немедленному доведению погрузки до нормы и срочному пополнению допущенных недогрузов, памятуя, что положение таково, что если не будет достигнуто быстрых удовлетворительных результатов, делу продовольствования армии грозит полная гибель». Передавая эту телеграмму на места, тульский губпродком добавлял: «принять самые энергичные меры к скорейшему вывозу овса и ржи»²⁵.

В поисках выхода из тупика резкого уменьшения запасов, власть оказалась вынуждена пойти на новое повышение твердых цен (первое повышение состоялось в конце марта), что было явной уступкой деревне производящих регионов, реакцией на ее противодействие государственным усилиям. Еще 4 августа Временное правительство выступило с официальным заявлением о гарантии неповышения цен на хлеб. Однако уже 27 августа твердые цены были увеличены вдвое, ибо Центр рассчитывал, что повышение уровня цен лишит хлебовладельцев основания и материальной выгоды уклоняться от поставки хлеба. Повышение сразу ударило по наименее зажиточным семьям, вынужденных прикупать хлеб, в том числе по семьям солдат; пострадало сельское население потребляющих областей, особенно острым положение оказалось в городах.

Безусловно, власти превосходно сознавали ключевое значение продовольственного вопроса в преддверии зимы. От решения этой задачи зависело не только продолжение войны российскими армиями Восточного фронта, но и само существование демократической власти. Не случайно новый министр продовольствия С. Н. Прокопович заявлял на заседании Предпарламента 16 октября: «Под влиянием полного истощения запасов как на фронте, так и внутри страны, Временное правительство вынуждено было прибегнуть к крайней мере – к удвоению цен... по старым ценам население хлеб не везло... И если теперь по удвоенным ценам, мы все-таки не получим хлеба, который нам будет нужен, конечно, мы вынуждены будем прибегнуть к... воинской силе»²⁶. Телеграмма МВД на места от 19 октября предлагала «принять все меры вплоть до применения вооруженной силы по организации охраны хлебных запасов и хлебных грузов в пути и на складах в целях выполнения плановых перевозок для снабжения армии и населения... Разъясните охраняющим солдатам, что защита хлеба и органов, заведующих продовольствием, есть защита родины»²⁷. Впрочем, никакой силы у Временного правительства уже не было: через десять дней в ходе очередного переворота к власти придут большевики.

Временное правительство еще хуже царского справлялось с проблемой продовольствования всех нуждавшихся в продуктах адресатов. Глобальное воздействие аграрного движения, управлявшегося общиной, на помещичье хозяйство в смысле его дезорганизации с целью предстоящего перехода в руки села, делало крестьянское хозяйство основной формой организации сельскохозяйственного производства. Община, ставшая основной и практически единственной силой в российской деревне 1917 года, стремилась стандартизировать отечественное хозяйство до уровня этики выживания. Только такой путь давал возможность ее сохранения как социального института, а архаичное массовое сознание большинства сельского населения гарантировало успех данной тенденции объ-

²⁴ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 209.

²⁵ ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 58. Л. 43.

²⁶ Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 18.

²⁷ ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 48. Л. 125.

ективного порядка. Успех революции, победоносно прошедшей в городе, был закреплен и развит ее распространением на деревню. Решающим условием победы общины, знаменовавшее тем самым углубление развития революционного процесса в стране, явился захват пахотных частновладельческих земель и их переход в общинный передельный фонд. Разумеется, что при таком положении дел, дальнейшие пути деревни и верховной власти расходились в диаметрально противоположные стороны.

FOOD ISSUE IN RUSSIA IN 1917: WEAKNESSES OF THE NEW GOVERNMENT

M.V. OS`KIN

*Tula. Institute of Jurisprudence
and Management of the All-
Russian police association*

e-mail: maxozv@yandex.ru

The food problem in Russia in 1917 became one of the key to the existence of the revolutionary government of the Russian republic. The task of overcome of the food crisis, which became one of the main causes of the fall of the monarchy, from revolutionary innovative authorities also became the point of no return. Introduction of the grain monopoly, the supply of the army and the rear, the centralization of bread-procurement was met with the opposition of the producer of the bread – peasantry. The article discusses some aspects of development of the food situation in 1917, unresolved which has become an important cause of the fall of the Provisional Government in October 1917. Transport crisis, falling grain stocks, the collapse of the front – all these factors contributed to the success of the Bolshevik revolution.

Key words: the food problem, the grain monopoly, Ministry of Food, fixed prices.